

пишкообразных плодов. Что касается того, были ли это действительно семена сосновых шишек или другие, более подходящие для употребления в пищу плоды, то тут мы не отваживаемся высказывать какие-либо категорические утверждения, поскольку вопрос этот выходит за пределы филологической науки и окончательное решение его следует предоставить специалистам в области ботаники и знатокам быта местных народов. Точно так же нельзя признать убедительным и предположение Г. Ф. Турчанинова относительно этнической принадлежности фтирофагов вследствие того, что хотя мы и можем брать под сомнение свидетельство Арриана, относящего их к скифам, тем не менее сохранившиеся античные источники не дают никаких оснований считать это древнее племя предками современных адыгов.

В. Ф. Беляев

ПРОКСЕНИЧЕСКИЙ ДЕКРЕТ ИЗ АНАПЫ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ БОСПОРА

В фондах краеведческого музея в Анапе хранятся два обломка мраморной плиты с греческой надписью. В инвентарной книге музея под № 745 записано, что обломки эти были подобраны на глубине 1,2 м рабочими при строительстве санатория Водздрова «Голубая волна» и 1 июля 1953 г. переданы в музей. Толщина плиты — 4,25 см. Лицевая сторона плиты тщательно сглажена, но покрыта известковым налетом, который не удалось полностью удалить. Обратная сторона не обработана. Обломок *a* сохранил верхнюю грань, обломок *b* — нижнюю. Высота обоих обломков одинакова — 12,5 см. Общая высота плиты была 25—26 см. Максимальная ширина обломка *a* — 15,5 см, обломка *b* — 17 см. Принимая предложенные ниже дополнения утраченных частей строк, следует предположить, что ширина плиты была примерно 39—40 см. На нижней грани обломка *b* — насечки. Необработанная обратная сторона и насечки на грани свидетельствуют, что плита с надписью была когда-то вделана в покрытую обмазкой стену.

Оба обломка сохранили обрывки одиннадцати строк; начала и концы их утрачены, кроме последней 11-й строки, конец которой сохранился. Высота букв 1—1,4 см. Следы врезанных линий не заметно.

Перед нами фрагментированный текст декрета о даровании проксении: об этом свидетельствует прежде всего ряд таких обычных для проксенических декретов выражений, как ἔδωκαν, ἐξαγωγὴν, εἴσπλουν, [καὶ] πολέμου καὶ εἰρήνης / ἀστυ]εὶ καὶ ἀσπονδεῖ.

Предлагаемая здесь попытка восстановления утраченных частей текста основана на этом понимании общего содержания надписи.

1. — — —] υχος Εὐμήλο [καὶ — — —
— — —] ῥίττι Χαίριππ[o — — —
— — —] ἔδωκαν αὐ[τῶι καὶ ἐκγόνοις
καὶ π[ῆσι τοῖς τοῦ[του προξενίαν, ἀπὲ —
5. λειαν], γῆς καὶ οἰκίας ἐ[γκτησιν, ὅσα
ὅπα] ρχει καὶ ὧν οἱ ἄλ[λοι προξενοῖ
κατὰ γῆν] καὶ κατὰ θάλαττ[αν μετέχουσιν,
καὶ εἰσαγωγῆν] καὶ ἐξαγωγῆν [πάντων
χρημάτων καὶ εἴσπλουν [καὶ ἐκ —
10. πλουν καὶ πολέμου καὶ εἰρή[νης
ἀστυ]εὶ καὶ ἀσπονδεῖ.

Стк. 1: καὶ дополнено в связи с множественным числом глагола ἔδωκαν.

Стк. 4: π] ἄσι, а не θεράπου]σι и не παί]σι, так как перед Σ сохранился нижний конец левой наклонной черты Α.

Стк. 6: ἄλ [λαι — видны верхние части букв Α и Λ, что исключает дополнение λ[οιποί].

Стк. 8: в конце строки сохранилась вертикальная черта, принадлежащая Π.

Перевод: «... сын Евмела и... .. рату сыну Херишпа... дали, ему самому [и потомкам], и всем его (домочадцам) [проксению, ателию], [право приобретения] земли и дома, [что] положено и в чем другие [проксены имеют долю на земле] и на море, [право ввоза] и вывоза [всех товаров], входа (в гавань) [и выхода] и во время войны, и во время мира без [опасности ограбления] и без договоров».

Характер письма надписи указывает на IV в. до н. э. Боспорские надписи IV в. до н. э., датированные по упоминанию имени правителя, сохранились от времени Левкона I и Перисада I. При сопоставлении особенностей письма нашей надписи с датированными боспорскими надписями IV в. следует отметить ряд особенностей, сближающих письмо нашей надписи скорее с надписями времени Левкона I, чем Перисада I. Наверху букв Α, Λ, Μ и Δ, над пересечением двух наклонных линий — отходящая вверх короткая вертикальная черточка. Особенность эта встречается, правда, и в некоторых надписях Перисада (например IOSPE, II, № 347), но в известных до настоящего времени надписях времени Левкона эта особенность наблюдается постоянно, без исключения. К — с сильно укороченными наклонными линиями; буквы Μ и Ν — с раскошенными чертами, что встречается, правда, и в ранних надписях Перисада; у Μ и Ν средняя наклонная черта пересекается сверху с боковой чертой не концом своим, а несколько выступает вверх. Кроме того, у буквы Ν конец правой вертикальной черты поднимается над строкой, а нижний конец ее не доходит до нижней линии строки¹. Украшения, очень скромные, имеются лишь у некоторых букв. Они представлены в виде небольших треугольных утолщений на концах линий. В надписях времени Перисада украшения применяются более последовательно, выражены более отчетливо; кроме того, к концу утолщается не только кончик линии, но и сама линия. По формам букв особенно близки нашей надписи IOSPE, II, № 343 и ИГАИМК, вып. 104, стр. 59, найденные также на азиатской стороне Боспора. Все эти наблюдения дают нам основание относить новую надпись из Анапы скорее к первой, чем ко второй половине IV в. до н. э.

Если дополнение утраченных частей текста надписи не вызывает затруднений, то интерпретация ее связана с большими трудностями. Трудности эти проистекают от скудности и фрагментарности сведений нарративных и документальных источников по истории Боспора времени правления Спартокидов. В силу этого соображения, связанные с интерпретацией надписи, не могут представлять окончательных, прочно обоснованных выводов и носят лишь предположительный характер.

Проксенических декретов Боспора до настоящего времени было известно только пять². Из них три, сохранившие частично первую строку, дают возможность установить, что проксении даны от имени боспорского правителя совместно с принимавшими участие в управлении сыновьями³. Публикуемая проксения также дана от имени не городской общины, а правителя с сыновьями или каким-то иным соправителем. На это с полной определенностью указывает множественное число сохранившегося в строке 3 глагола ἔδωκαν.

¹ Ср. IOSPE, II, № 4,¹ 6, 7, 343; ИАК, вып. 63, 1917, стр. 109, № 1; ИГАИМК, вып. 104, стр. 59, рис. 2 — все эти надписи относятся ко времени Левкона I.

² IOSPE, II, № 1, 2, 3; ИАК, вып. 27, 1908, стр. 53, № 13; МИА, № 103, М., 1962, стр. 206—208, рис. 1(1).

³ IOSPE, II, № 1 — Παρισάδης καὶ παῖδες; № 2, стк. 1 — ΙΔΕΣ: перед I сохранился нижний конец правой наклонной черты от Α, делающий дополнение καὶ π]αῖδες несомненным. МИА, № 103, стр. 206 — καὶ παῖδες. Надпись в МИА, № 103, стр. 206—208 по характеру письма следует отнести не ко второй, а скорее к первой половине IV в. до н. э., т. е. к правлению не Перисада I, а Левкона I.

Среди правителей Боспора в источниках упоминается лишь один, имя которого оканчивается на — *υκος*, это *Σέλευκος*. О нем говорит Диодор (XII, 36, 1), сообщая, что после смерти Спартока (433/2 г. до н. э.) власть наследовал Селевк и правил 40 лет ⁴. Однако под 393/2 г. Диодор отмечает смерть не Селевка, а Сатира, сына Спартока, правившего 44 года (Diod., XIV, 93, 1) ⁵. Следовательно, если считать, что продолжительность правления Сатира — 44 года — указана правильно, то смерть Сатира и начало правления сына его Левкона следует относить не к 393/2 г., а к 389/8 г., что, как известно, сейчас можно считать установленным окончательно благодаря находке в 1877 г. широко известного почетного декрета 346 г. в честь сыновей Левкона ⁶. Таким образом, период от смерти Спартока I в 433/2 г. до вступления во власть Левкона в 389/8 г., т. е. 44 года, должен быть заполнен, согласно Диодору, сорокалетним правлением Селевка и сорокачетырехлетним правлением Сатира. По этому поводу В. В. Латышев ⁷ писал, что поскольку годы Селевка и Сатира совпадают, то, очевидно, либо оба эти лица правили одновременно, либо одно из имен этих правителей неверно. Не находя у Диодора оговорок об одновременном их правлении, В. В. Латышев склонен был признать (вместе с издателем Патмийского кодекса Фогелем), что имя *Σέλευκος*, не встречаемое более в применении к Боспору ни в одном источнике, переписчиком написано по ошибке вместо *Σάτιρος*. К мнению В. В. Латышева присоединился и Э. Миннз ⁸, который аргументировал исключение Селевка из списка боспорских правителей еще и тем, что имя это не греческое и не фракийское и о нем мы никогда не слышали до Селевка Никатора. В трудах по истории Боспора Селевк, наследник Спартока I на Боспоре, больше уже не упоминался.

В последнее время вопрос о Селевке подвергся пересмотру в статье О. Вернера ⁹. О. Вернер приводит ряд аргументов в пользу восстановления историчности Селевка: во-первых, имя Селевка известно среди македонян и до Селевка Никатора — это отец Птолемея, телохранителя Александра Македонского (Arr., Anab., I, 24, 1; 29, 4; II, 10, 7), который по возрасту был бы немногим моложе Селевка, преемника Спартока I на Боспоре; кроме того, упомянутый Селевк — отец Птолемея, который по предположению Гоффмана мог быть дядей Селевка Никатора, вряд ли был первым среди македонян, носившим это имя. Само же имя *Σέλευκος* является македонской диалектической формой греческого имени *Ζέλευκος* ¹⁰. Все это позволяет нам не считать невероятным существование в конце V — начале IV в. до н. э. на Боспоре правителя по имени Селевк. Во-вторых, что касается хронологических затруднений, связанных с тем, что на один и тот же период времени падает правление двух лиц — Селевка и Сатира, Вернер считает, что затруднение это отпадает, если допустить, что оба эти лица, и Селевк и Сатир, правили совместно в течение сорока лет (срок, отведенный источником Диодором Селевку), по истечении которых Сатир правил единолично или с сыновьями. В пользу этого предположения Вернер приводит указания источников о том, что в рассматриваемый период на Боспоре власть не была единоличной ¹¹.

⁴ Согласно Патмийскому кодексу, а согласно вульгате — 4 года.

⁵ Патмийский кодекс — *τετταράκοντα τέτταρα*; вульгата — *δεκατέτταρα*.

⁶ A. Schaefer, Athenischer Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosphoros, RhM, XXIII, 1878, стр. 418 слл.; IG, II, 212 = Syll³, 206 = Б.Н. Г раков, ВДИ, 1939, № 3, стр. 239, № 3.

⁷ В. В. Латышев (PONTIKA, СПб., 1909, стр. 176) принимает чтение Фогеля — *τετταράκοντα* [*τέτταρα*].

⁸ E. Minns, Scythians and Greeks, Cambr., 1913, стр. 571.

⁹ O. W e r n e r, Die Dynastie der Spartokiden, «Historia», IV (1955), № 4, стр. 419 слл.

¹⁰ O. H o f f m a n n, Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum, Göttingen, 1906, стр. 174.

¹¹ Упоминаемые на Боспоре *οἱ τῶραννοι*: A e s c h i n., III, 172; Ps.-A r i s t o t., Осс., II, 2, 8. Об этом см. W e r n e r, ук. соч., стр. 420.

Аргументы О. Вернера в пользу историчности упоминаемого Диодором Селевка следует признать вполне убедительными, тем более, что ближайшее рассмотрение ряда документально засвидетельствованных фактов убеждает нас, что на Боспоре в IV в. до н. э. неоднократно имело место соуправление отца с двумя сыновьями или двух братьев — Перисад I с Сатиром и Пританом¹², Левкон I с сыновьями¹³, сыновья Левкона — Спарток II и Перисад I¹⁴. Соуправление сыновей с отцом или двух братьев было, по-видимому, характерной особенностью династии Спартокидов. Рассмотрение этого своеобразного явления, так же как и государственно-правовой и династической природы греко-варварского государства, каким был Боспор Спартокидов, не входит в задачу данной работы. Ограничимся констатацией самого факта соуправления, который необходимо иметь в виду при попытке дополнения лакуны и интерпретации текста данной надписи.

Итак, если вместе с Вернером принять вывод об историчности упоминаемого Диодором Селевка — преемника Спартока I, то, может быть, восстановив начало первой строки нашей надписи Σέλ[ε]υκος Εὐμήλο[υ] καί — —, мы получим документальное подтверждение существования Селевка в списке первых представителей дома Спартокидов. Состоял ли Селевк, упомянутый Диодором, в каких-либо родственных отношениях с основателем династии Спартоком I, и если состоял, то в каких именно, мы не знаем. Если он был лицом, от имени которого были даны проксенические привилегии некоему... рату сыну Хериппа, то сыном Спартока¹⁵ он быть не мог, так как здесь указано его отчество — сын Евмела. Может быть он был его братом? Но в таком случае встает необходимость вернуться к вопросу об этническом происхождении Спартокидов. До недавнего времени в научной литературе господствовало мнение о фракийском происхождении Спартокидов, высказанное впервые Перро¹⁶. Эту же точку зрения находим мы у В. В. Латышева, М. И. Ростовцева, С. А. Жебелева, а в новейших работах у В. Ф. Гайдукевича, Д. П. Каллистова, О. Вернера. Высказывались предположения об их синдском происхождении (М. И. Артамонов) или связи их через синдов с киммерийцами (В. Д. Блаватский)¹⁷. Для всех этих исследователей характерна мысль, что в лице Спартокидов выступают представители не греческого, а «варварского», пусть даже эллинизированного, аристократического рода. Вопрос об этническом происхождении Спартокидов был недавно запово коренным образом пересмотрен Т. В. Блаватской. Выводы ее сводятся к тому, что основатель династии Спартокидов, Спарток, принадлежал к знатному греческому роду, лишь заимствовавшему фракийские имена, скорее всего в результате смешанных браков (ук. соч., стр. 38). Если бы мы могли быть вполне уверены, что Селевк, преемник Спартока I у Диодора, и Селевк, сын Евмела в нашей надписи, — одно и то же лицо, то, вероятнее всего, было бы предположение, что Селевк мог быть братом Спартока. В таком случае выводы Т. В. Блаватской о происхождении Спартокидов из знатного греческого рода нашли бы свое довольно надежное подтверждение: отец основателя династии носил чисто греческое имя Εὐμήλος — имя, известное еще из Илиады¹⁸ и фигурирующее затем в мифологии и эпосе Эллады. Что касается самого имени Селевка, то его явно македонская диалектическая и культурно-историческая принадлежность указывает на какие-то связи этого аристократического рода с северной Грецией, Македонией или южной Фракией, чем,

¹² IOSPE, II, № 1: Παρισιάδης καὶ παῖδες.

¹³ IG, XII, 2, 3 = Syll.³, 212 = Г р а к о в, ВДИ, 1939, № 3, стр. 263, № 32.

¹⁴ IG, II², 212 = Syll.³, 206 = Г р а к о в, ВДИ, 1939, № 3, стр. 239, № 3.

¹⁵ Сыном Спартока и братом Сатира считает Селевка О. Вернер (ук. соч., стр. 444)

¹⁶ G. P e r r o t, Le commerce des céréales en Attique au quatrième siècle avant notre ère, «Rev. hist.», IV, 1877, стр. 34 сл.

¹⁷ Литература вопроса об этнической принадлежности основателя династии и первых ее представителей очень полно приведена в книге: Т. В. Б л а в а т с к а я, Очерки политической истории Боспора V — IV веков до н. э., М., 1959, стр. 26 слл.

¹⁸ II, II, 711: Евмел, сын Адмета и Алкестиды, вел 14 фессалийских кораблей против Илиона.

вероятно, и следует объяснить часто повторявшиеся в роду два фракийских имени — Спарток и Перисад, в то время как все остальные имена известных нам представителей рода Спартокидов (Сатир, Левкон, Метродор, Аполлоний, Притан, Емел) были греческими.

В каком отношении были первые Спартокиды, Спарток и Селевк, к Археанактидам, неизвестно. Весьма возможно, что и сами они были связаны родственными узами с Археанактидами, и правы С. А. Жебелев¹⁹ и Т. В. Блаватская, считая, что у нас нет оснований видеть в словах Диодора διεδέξατο τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος указание на связь смены династии с государственным переворотом.

Таковы вопросы, которые встают в связи с находкой новой надписи, и предположения, которые можно было бы высказать на основании ее интерпретации, если бы мы могли быть уверены в идентичности Селевка анапской надписи с Селевком, преемником Спартока. Полной уверенности в этом, однако, быть не может, несмотря на вероятность и заманчивость такого предположения. Прежде всего следует напомнить, что имя Σέλε[υ]κος в анапской надписи сохранилось не полностью и кажется только наиболее вероятным дополнением. Ведь даже в том случае, если имя это дополнено правильно, то встает вопрос, почему обломки публикуемого декрета были найдены в Анапе, а не в Керчи, на месте древней столицы Спартокидов. Может быть, позволительно допустить предположение, что Σέλε[υ]κος Εὐμ[ε]λέο анапской надписи является одним из правителей древнего города, который существовал на месте Анапы уже с V в. до н. э., как показывают раскопки последних лет. Тот факт, что проксения выдана от имени правителя, указывало бы тогда на то, что и в этом городе, как и в Пантикапее, уже в раннее время, в первой половине IV в. до н. э., политическая организация была весьма сходна с государством Спартокидов, т. е. что полнота власти и право давать торговые привилегии прокседам принадлежали не политическим органам городской общины, как во всем эллинском мире, а правителю, имевшему так же, как и у Спартокидов, соправителя в лице брата или сыновей. Предположение это кажется маловероятным по следующим соображениям. Единственное объяснение, которое мы можем дать весьма своеобразному в эллинском мире явлению — предоставление проксений от имени правителя, а не городской общины, это — своеобразие самой политической структуры Боспорского государства, в известной мере предвосхитившего политическую структуру эллинистических государств: Боспорское государство состояло не из одного города — государства, а объединяло ряд городских общин с принадлежавшими им сельскохозяйственными территориями по обоим берегам пролива. Поскольку привилегии боспорских проксеменов были связаны в основном с их торговой деятельностью, распространявшейся не на один какой-либо город, а на все города и территории, подвластные пожизненным архонтам Боспора, естественно, что и связанные с проксенией привилегии могли быть предоставлены только от имени верховного правителя всего Боспора. Это обстоятельство говорит против предположения, что поименованный в надписи — — — υκος Εὐμ[ε]λέο был правителем древнего города, лежавшего на месте Анапы.

Важным аргументом в пользу отнесения авторства этого декрета к боспорским Спартокидам является также и сочетание имен — Селевк и Евмел. Из них первое, как уже говорилось, засвидетельствовано в списке имен представителей династии Спартокидов Диодором, а второе получил, вероятно, не случайно, а в память одного из предков, младший сын Периседа I. По этим соображениям следует пока остановиться на предположении, что Селевк, сын Евмела, имя которого восстанавливаем в первой строке анапской надписи, был идентичен Селевку, преемнику Спартока, как на наиболее вероятном. В таком случае вторым лицом, участвовавшим в предоставлении проксенических привилегий, мог бы быть Сатир, который, согласно Диодору, был сыном Спартока. Если принять это дополнение, то в соответствии с малым количеством места в начале второй строки утраченная часть имени проксемена должна быть как можно короче, например — Εὐκ[ρ]άτης.

¹⁹ С. А. Жебелев, сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 166.

Правление Селевка, согласно Диодору, продолжалось после смерти Спартока I (433/2 г. до н. э.) сорок лет. Следовательно, надпись, которую по характеру письма можно отнести к первой половине IV в. до н. э., должна быть датирована временем начала IV в., т. е. близким к концу жизни Селевка.

Однако проксения, данная Селевком, сыном Евмела, в отличие от проксении, данной Перисадом, предоставляет проклену дополнительное и важное преимущество — право владения землей и домом — (*γῆς καὶ οἰκίας* ἐ[*γκτήσιον*]). Как известно, ἐ[*γκτήσιον*] означало право владения недвижимым имуществом специально на земле чужого государства. Имущество это — ἐ[*γκτήματα*], называлось так в отличие от κτήματα, что означало вообще владение недвижимым имуществом. Общим правилом для всего эллинистического мира было, что правом владения недвижимостью на территории того или иного государства могли пользоваться только граждане данного государства,¹ потому уполномоченные государства могли пользоваться только гражданами данного государства,² поэтому упоминание права ἐ[*γκτήσιος*, встречающееся в греческих декретах, означает предоставление права ἐ[*γκτήσιος*, исключительных привилегий, которые часто связывались с проксенийю.³⁰ Объяснение тому факту, что декрет Перисада этого права проксения не давал, нужно искать скорее всего в каких-то обстоятельствах, изменившихся за время от Селевка и Сатира до Перисада.

Взамен краткой формулировки о предоставлении проксении и беспошлинной торговли всеми товарами «во всем Боспоре» (ἐν παντί Βοσπόροι) в анапской надписи мы находим ссылку на установившуюся практику предоставления прокседам определенной суммы привилегий: [ῥσα ὑπά]ρχει καὶ ὧν οἱ ἄλ[λοι πρόξενοι/κατὰ γῆν] καὶ κατὰ θάλατταν μετέχουσιν/καὶ εἰσχωγῶν] καὶ ἐξαχωγῶν [πάντων/χρημάτων] κ. т. л. Следовательно, установившаяся к концу IV в. практика предоставления проксенических привилегий предусматривала широкое право торговли на суше и море, ввоз и сбыт заморских товаров, а также закупку хлеба, рыба²¹ и продукты животноводства, как во- Это могли быть в первую очередь хлеб, рыба²¹ и продукты животноводства, как во- ловны шкуры ([Dem.], XXXIV, 10). Эта ссылка на обычные привилегии, предоставляемые прокседам, не только подтверждает факт торговых связей Боспора Римского, и в частности области Синдики, со средиземноморским миром — факт, засвидетельствованный археологическими материалами начиная с VI в. до н. э., —

²⁰ E. C a i l l e m e r, *Egktesis*, D.— S., т. I, ч. 1, P., 1888, стр 494.

²¹ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 116; В. Д. Блаватский, О вывозе понтийской рыбы в Афины, «Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского», М., 1962, стр. 129—131; И. Б. Брагинский, Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э., М., 1963, стр. 134.

по указывает также, что на Боспоре к началу IV в. уже существовал развитый институт проксении, сложившийся, по-видимому, еще во времена Археанактидов.

Источники содержат немало упоминаний о Сатире. Литературная традиция сохранила сведения о том, что он принимал меры к расширению боспорской экспансии в Синдике (Polyaen., VIII, 55) и пытался овладеть Феодосией (Schol. ad Dem., XX, 33). Относительно его торговых связей мы узнаем, что при вывозе хлеба он предоставлял афинянам преимущества перед купцами других государств (Isocr., XVII, 57). В честь Сатира в Афинах был издан почетный декрет в благодарность за услуги, оказанные афинянам в деле снабжения хлебом; ссылку на почетный декрет в честь Сатира мы находим в почетном декрете в честь сыновей Левкона (IG, II², 212, стк. 46). Но ни у одного античного автора, кроме Диодора, ни в афинских почетных декретах нигде не упоминается Селевк. В то же время из источников вытекает, что правление Сатира не рассматривалось как единоличное, на что уже указывал и О. Вернер (ук. соч., стр. 420). Так Гилон, прибыв на Боспор, получил там «дары от тиранов» (παρὰ τῶν τυράννων, Aeschin., III, 172). В схолиях к этому месту Эсхина мы читаем, что Гилон предал Нимфеей тиранам Боспора (τοῖς Βοσπορείοις τυράννοις). В биографии Демосфена (Zos., Vita Demosth., VIII, 18, ed. Dindorf.) о том же событии упомянуто, что Гилон, нашедший приют «у династов Понта» (παρὰ τοῖς Πόντοις δυνάσταις), получил «от них» (παρ' αὐτῶν) Кепы. Относительно попытки присоединения к владениям Боспора Феодосии Полиен (V, 23) рассказывает, что город этот был осажден «соседними тиранами» (πλησίονοις ὑπὸ τῶν πλησίον τυράννων). О. Вернер правильно отмечает, что под οἱ τύραννοι и οἱ δυνάσται здесь можно понимать только совместно правивших представителей дома Спартокидов. Поэтому отсутствие прямого упоминания о Селевке в литературных источниках еще не дает основания отрицать возможность существования этого правителя на Боспоре.

Скорее может возникнуть вопрос о причине отсутствия упоминаний о Селевке в афинских почетных декретах.

В цитированном уже почетном декрете в честь сыновей Левкона упоминаются в качестве благодетелей афинян Σάτωρος καὶ Λεύκων, говорится и об установке стел с почетными декретами Σάτωρος καὶ Λεύκωνος при полном умолчании о Селевке, в то время как в анапской надписи имя Селевка (если мы правильно его дополнили), стоит на первом месте, в качестве главного лица, предоставившего привилегии проксену. Для того, чтобы найти объяснение этого умолчания, следует рассмотреть имеющиеся в нашем распоряжении сведения о взаимных услугах правителей Боспора и Афинского государства, создавших обстановку взаимного благоприятствования между этими двумя государствами и послуживших поводом для издания афинских декретов в честь представителей дома Спартокидов.

В речи Демосфена против Лептина (XX, 30) мы читаем, что Левкон «постоянно оказывает афинянам благодеяния» (συνεχῶς ἡμᾶς εὖ ποιεῖν), в то время как «из других благодетелей каждый приносил нам пользу лишь некоторое время» (χρόνον τιν' ἕκαστος ἡμῖν χρησιμοναῦτον παρέσχευ). Далее (§ 31), говорится, что Левкон, который назван «хозяином» (κύριον) боспорского хлеба, предоставил беспоплатность купцам, везущим хлеб в Афины (τοῖς ἄλλοις Ἀθήναζε ἀτέλειαν δεδωκέναι), и обнародовали Левкону ателию (§ 36). Таким образом, между правителями Боспора и афинянами существовал договор (συνθήκη — Dem., XX, 37) о взаимной ателии, что было отмечено еще М. И. Ростовцевым²² и С. А. Жебелевым (ук. соч., стр. 131). Из афинского почетного декрета 346 г. (IG, II², 212 = Syll. ³, 206) видно, что Спарток II и Перисад I подтвердили предоставление афинянам тех же привилегий, которые им были даны еще Сатиром и Левконом²³. Итак, договор о взаимной ателии был заключен еще Сатиром²⁴. М. И. Ростовцев полагал, что договор этот был заключен после победы

²² САН, VIII, 1930, стр. 567.

²³ Жебелев, ук. соч., стр. 130.

²⁴ Ср. М. Сагу, САН, VI, стр. 71.

над спартанским флотом, одержанной в 394 г. при Книде афинским стратегом Кононом²⁵. К мнению М. И. Ростовцева присоединяется и И. Б. Брагинский (ук. соч., стр. 122), который склонен относить заключение постоянного договора о взаимной ателии к 393 г. Предположение об этой дате заключения договора кажется весьма вероятным. У Исократ (XVII, 57) мы читаем, что афинянин Сатир «постоянно ставил выше других эллинов и часто, при недостатке хлеба, отсылая пустыми кораблями других купцов», афинянам «предоставлял вывоз» и оказывал им содействие при разборе дел, касающихся отдельных частных соглашений по торговым делам между афинскими купцами и боспоранами. К Сатиру богатые афиняне отпускали на жительство своих сыновей (Lys., XVI, 4). Кроме того, между представителями торговых кругов Афин и отдельными боспоранами существовал тесный деловой контакт, может быть, подкрепленный в каждом случае узами личного гостеприимства, и контакту этому покровительствовал Сатир. Иную точку зрения о времени заключения соглашения между Афинами и Боспором высказывает Т. В. Блаватская. По ее мнению (ук. соч., стр. 129), боспорско-афинское соглашение было заключено раньше и в 394 г. уже существовало. Ссылаясь на В. В. Латышева (PONTIKA, стр. 73), она указывает на популярность в Афинах боспорско-афинской дружбы, на которую все время ссылается сын боспорца Сопея в речи, обращенной к афинскому суду. Т. В. Блаватская (ук. соч., стр. 119) полагает, что так называемую «Банкирскую речь», составленную Исократом, сын Сопея произнес после начала войны афинян со Спартой, но еще до того, как афинский флот утвердился в проливах. Против этого, однако, свидетельствуют слова Исократ (XVII, 36), вложенные им в уста молодого боспорца: *Ἀρχεβασιλείῳ ἀρχόντῳ καὶ ἐκείνῳ τὸν χρόνον τῆς θαλάττης*. Следовательно, суд над сыном Сопея в Афинах происходил уже после битвы при Книде и, по-видимому, вскоре после заключения договора о взаимной ателии между Сатиром и Афинами; поэтому упоминания о дружественных отношениях и услугах, оказывавшихся афинянам Сатиром и состоявшим у него на службе Сопеем, были в тот момент особенно уместными, тем более, что заключению формального договора о взаимной ателии между Боспором и Афинами предшествовали уже прочно сложившиеся отношения взаимного благоприятствования.

Если продолжительность правления Селевка — 40 лет — указана Диодором правильно, то 393 г. является годом смерти Селевка. Следовательно, формальное заключение договора о взаимной ателии и постоянных привилегиях афинянам при вывозе боспорского хлеба могло быть делом одного Сатира, без Селевка, не говоря уже о том, что в последние два-три года жизни Селевка делами, связанными с экспортом хлеба, что в последние два-три года жизни Селевка делами, связанными с экспортом хлеба, мог ведать лично Сатир с помощью Сопея, дававшего от имени Сатира отдельные разрешения на вывоз хлеба. И то обстоятельство, что договор о взаимной ателии был, по-видимому, заключен с Афинами Сатиром незадолго до или уже после смерти Селевка, должно объяснять умолчание о Селевке в афинских декретах в честь боспорских правителей.

В проксении, данной Перисадом I некоему сыну Дионисия — прейцу, ясно указано, что предоставляемые проксену торговые привилегии распространяются на всю подвластную боспорскому правителю, в данном случае Перисаду I, территорию: проксения и ателия на все товары во всем Боспоре (*ἐν παντὶ Βοσπόρῳ*). Следовательно, право входа в гавани и выхода из них подразумевало все города, входившие в боспорское объединение во времена Перисада I. Таким образом, естественно, речь может идти не о каком-то одном полисе, хотя бы и Пантикапее, называвшемся также Боспором, но и обо всех других городах, в том числе и в первую очередь, о Феодосии. При таких обстоятельствах вполне понятно, что проксенические привилегии не могли выдаваться «советом и народом» городских общин на Боспоре, а лишь единоличным правителем «всего Боспора». Поэтому самый факт дарования проксении от имени Перисада I кому-либо из граждан иноземных государств не может служить свидетель-

²⁵ САН, VIII, стр. 571.

ством ни в пользу тезиса о сохранении в городах Боспора гражданской общины, ни против него ²⁶.

Во времена Селевка и Сатира, к которым мы относим анапскую надпись, понятия «всего Боспора» еще не существовало, и под Боспором понимался город Пантикапей ²⁷. В этой надписи мы не только не находим упоминания о том, на какой район распространялись торговые привилегии проксена, но из текста нельзя даже заключить, проксеном какого государства был объявлен поименованный там... рат сын Хериппа. Относительно этого нами уже были высказаны некоторые соображения о том, что проксения была дана боспорскими правителями, а не местным династом, правившим древним городом, лежавшим на месте совр. Анапы. Аргументом в пользу этого предположения можно считать отсутствие в тексте надписи названия государства, проксеном которого был назван сын Хериппа, а также ссылку на прочно установившуюся практику предоставления проксену определенной суммы привилегий: лица, давшие проксению, были правителями достаточно сильного и широко известного в северо-восточном Причерноморье государства, какими являлись в то время Спартокиды на Боспоре; имена их должны были говорить сами за себя и делали ясным, в каких местностях имели силу данные ими привилегии.

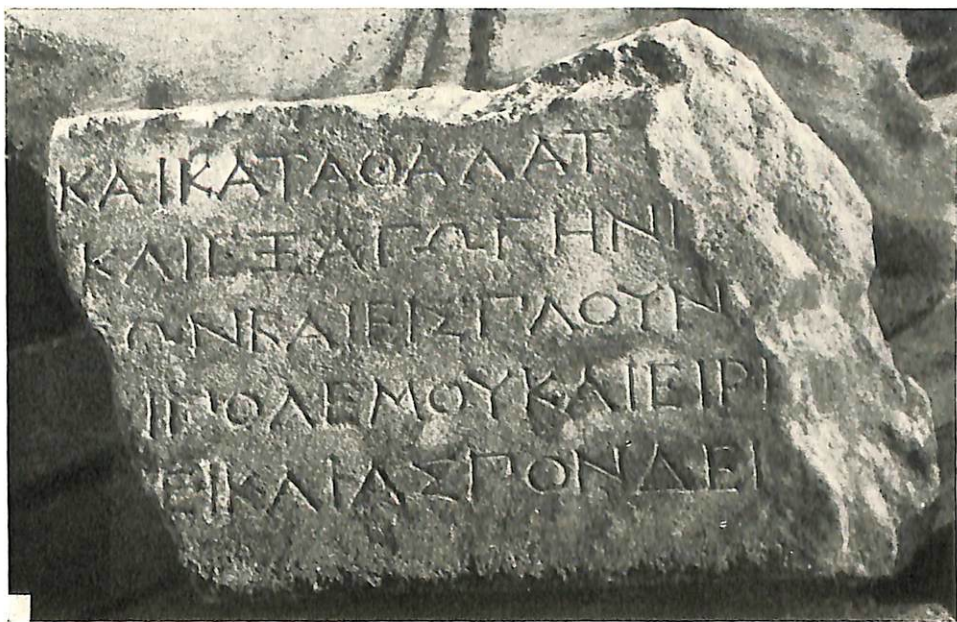
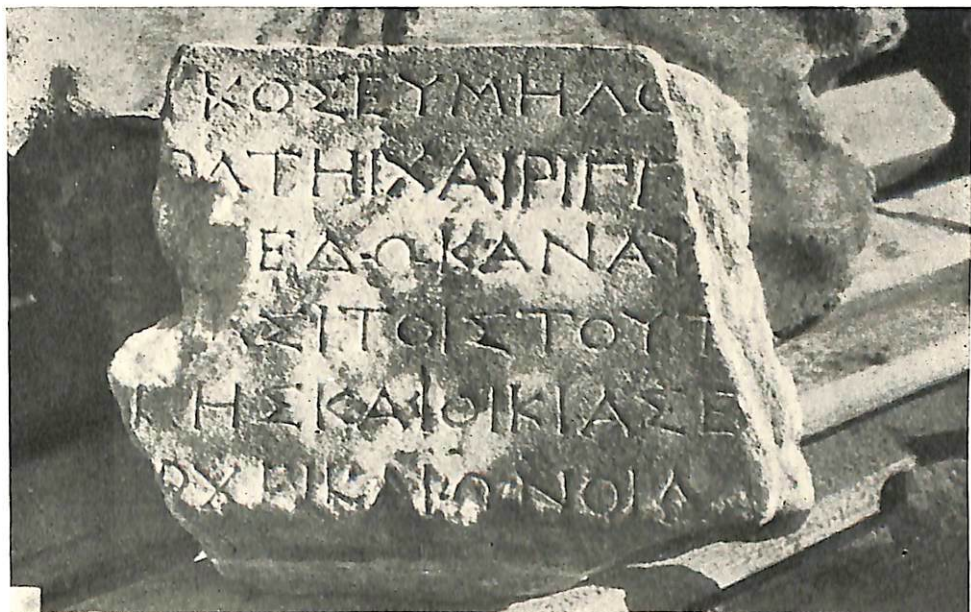
В таком случае необходимо объяснить, почему плита с текстом проксении, дарованной боспорскими правителями, была найдена в Анапе, а не в Керчи.

Далеко не все дошедшие до нас вырезанные на камне тексты о даровании проксенических привилегий являются теми стелами, которые воздвигались властями государства, включившего данного иноземца в число своих проксенов. Такими подлинными проксеническими стелами в Северном Причерноморье являются серия стел, найденных, например, на Ольвийской агоре, красиво и тщательно оформленных, и фрагменты пантикапейских проксений, найденных на горе Митридат в Керчи, где находился акрополь Пантикапея. Копии (*ἀντίγραφα*) почетных декретов выставлялись также и на родине проксена на его собственные средства, и в других местах, с которыми была связана его деятельность. Например, почетный декрет в честь Левкона был выставлен афинянами в Пирее, сам он выставил копию этого декрета в Пантикапее, кроме того, еще одна копия была выставлена в Гиероне (Dem., XX, 36). Поэтому не должно казаться невероятным, что копия декрета, изданного в Пантикапее правившими там Селевком и Сатиром, могла быть выставлена и в городе на азиатском берегу Боспора Киммерийского, где проксен также мог сбывать привезенные им товары и заниматься закупкой и вывозом местных продуктов. Самый факт находки в Анапе проксенического декрета, изданного пантикапейскими правителями, мог свидетельствовать, что древний город, лежавший на месте Анапы, должен был уже находиться под контролем Спартокидов.

Античный город на месте совр. Анапы лежал на юго-востоке Синдики, близко от границы областей расселения племен синдов и торетов. Возник ли он на месте древнего поселения синдов, или греческие поселенцы пришли на незаселенное место, мы не знаем в силу его далеко недостаточной археологической изученности. Разведками В. Д. Блаватского, проведенными в 1949 г., установлено, что на территории Анапы освоение исследованного им места, возможно, и возникновение там греческого эмпория относится во всяком случае еще к последним десятилетиям VI в. до н. э. Превращение эмпория в город имело место не позднее начала IV в. до н. э., а расцвет города наступил в IV—III вв. до н. э. Керамический материал, полученный разведками, отражает торговые связи начиная с VI в. до н. э. с Хиосом, Атикой, Фасосом, Гераклеей,

²⁶ По мнению Д. П. Калистова (Боспорский декрет Перисада о даровании проксении пирейцу, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира, сб. памяти А. В. Тюменева», М.—Л., 1963, стр. 320), проксения имеет значение документа, удостоверяющего факт существования гражданской общины в государстве Спартокидов.

²⁷ Ср. Dem., XX, 33: ἐμπόριον Θεοδοσίῳ ὃ φασιν οἱ πλείοντες οὐδ' ὅτιοῦν χαίρουσιν αἰνὰ τοῦ Βοσπόρου; здесь речь идет о времени Левкона.

Синопой, Косом, Херсонесом и городами Боспора²⁸. Материалы раскопок И. Т. Кругликовой, проводившихся в Анапе в 1959—1961 гг., подтвердили наблюдения В. Д. Блаватского относительно датировки ранних культурных слоев античного города²⁹. Материалов, свидетельствующих о существовании на этом месте более древнего, догреческого поселения, до сих пор найдено не было.

Помпоний Мела (I, III) упоминает город Синд, лежавший в стране синдонов, между страной генихов и Таманским полуостровом. Что город Синд следует отождествлять с позднейшей Горгиппией, а не каким-либо другим поселением, видно из слов Стефана Византийского. Под словом *Σινδικος* он пишет, что город этот, имеющий гавань, некоторые называют Горгиппией (*Γοργίππιον*), а под словом *Γοργίππεια* — называет последнюю «город Синдики» (*πόλις Σινδικῆς*). По вопросу о том, следует ли отождествлять город Синдик-Горгиппию, местоположение которой прочно установлено надписями, с Синдской Гаванью, были высказаны различные точки зрения. М. И. Ростовцев полагал, что Синдская Гавань находилась в районе дельты р. Кубани около Виязевки, в глубине Кизилташского лимана³⁰. А. В. Орешников со ссылкой на Бруна («Черноморье», II, стр. 264) отождествляет ее с Горгиппией³¹. Эта точка зрения была принята и убедительно аргументирована В. Ф. Гайдукевичем (ук. соч., стр. 216), который отождествляет ее с упомянутым у Стефана Византийского городом Синдиком и локализует ее таким образом на месте совр. Анапы. В настоящее время локализация Синдской Гавани на месте Анапы принята большинством советских исследователей истории Боспора³².

Тождество этих двух пунктов находит подтверждение и в перечислении городов и населенных пунктов по азиатскому побережью Боспора, которое мы находим у Птолемея: Фанагория, Корокондама, Гермонасса, Синдская Гавань, деревня Синда, гавань Бата (Ptolem., V, 8, 6—8). Характерно, что Птолемей, автор II в. н. э., пропустил в своем списке название Горгиппии, которая в его время была одним из крупнейших, процветающих и широко известных под этим названием торговых центров Боспора. Вряд ли поэтому следует сомневаться, что здесь она упомянута под именем Синдской Гавани, так как, согласно Стефану Византийскому, и в первые века н. э. город этот фигурировал под двумя названиями — «Горгиппия» и другим, более древним ее названием, связываемым с ее положением в Синдике. Это название мы находим у разных писателей в разных вариантах: «Синдская Гавань»³³, «Синд»³⁴, «Синдик»³⁵, «Синдика»³⁶ и лишь «некоторые», по словам Стефана Византийского, «называют ее Горгиппией».

Возвращаясь к вопросу о том, возник ли город Синдик на месте древнего поселения синдонов или был создан греками на необжитом месте, приходится признать, что пока вопрос этот остается открытым. Помпоний Мела, излагая данные ранних источников³⁷, в цитированном отрывке пишет, что город Синд в стране синдонов был основан

²⁸ В. Д. Блаватский, Разведки в Анапе, КСИИМК, вып. 37, 1951, стр. 248; он же, Архангелский Боспор, МИА, № 33, М., 1954, стр. 21.

²⁹ И. Т. Кругликова, Г. А. Цветаева, Раскопки в Анапе, КСИА, вып. 95, 1963, стр. 66, 68—70.

³⁰ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 293.

³¹ А. В. Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья, ИРАИМК, II, 1922, стр. 122.

³² Блаватский, Архангелский Боспор, стр. 20; Д. Б. Шелов, ред. на книгу Д. П. Каллистова «Северное Причерноморье в античную эпоху», ВДИ, 1953, № 1, стр. 102 сл.; Блаватская, ук. соч., стр. 9С.

³³ P s.-S c y l., fr. 72 и 73; P s.-S c y m n., v. 889; S t r a b o, XI, 2, 14; Ptolem., V, 8, 8.

³⁴ P o m p. M e l a, I, 111.

³⁵ Σινδικος πόλις — Ael. Herodian., 152, 8.

³⁶ H e r o d., IV, 86; D i o d., XXII, 25; A r g i a n., Per. P. Eux., 28—29.

³⁷ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 46.

«самими жителями (*cultoribus* — землепашцами) этих земель». Между тем, по словам Псевдо-Скимна (Рег., v. 889), Синдская Гавань была «населена греками, пришедшими из ближних мест», подобно Киммерию, о котором тот же автор пишет (v. 836), что он был основан соседними тиранами. Как бы то ни было, окончательное решение вопроса в пользу подтверждения тезиса о синдском поселении как предшественнике греческого города, может быть достигнуто только в результате археологических исследований. Делать заключение только на основании самого названия «Синдская Гавань» вряд ли правомерно.

Страбон говорит о Горгииппии как о городе, лежащем в Синдике близ моря, и называет ее «царской резиденцией (*τὸ βασιλεῖον*) синдов» (XI, 2, 10). Далее, завершая перечисление городов и населенных пунктов Боспора, он указывает на колонизационную деятельность греческих городов, лежавших на обоих берегах Боспора Киммерийского: «все, повинующиеся боспорским династам, называются боспоранами. И метрополией европейских боспоран является Пантикапей, а азиатских — Фанагория». Как отметил С. А. Жебелев, слова эти следует, очевидно, понимать в том смысле, что перечисленные здесь населенные греками города на европейской и азиатской сторонах Боспора являлись апоикиями Пантикапея и Фанагории, служивших для них метрополиями³⁸. Сопоставляя это указание Страбона со словами Псевдо-Скимна (v. 889), можно заключить, что и Синдская Гавань была основана греками — выходцами из Фанагории, может быть, также Гермонассы и других, ранее возникших на Таманском полуострове греческих городов.

В связи с интересующим нас вопросом о находке в Анапе проксенического декрета, изданного, по нашему предположению, в начале IV в. пантикапейскими правителями из рода Спартокидов, необходимо попытаться осветить вопрос о политическом положении города Синдика в это время.

В начале IV в. до н. э. Горгииппия еще сохраняла свое прежнее название «Синдик», «Синд» или «Синдская Гавань»; археологические и эпиграфические материалы, относящиеся к IV—III вв. до н. э., отражают греческий облик города и подтверждают слова Псевдо-Скимна о заселении города греками.

Выпуск серебряных монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ А. В. Орешников приписывал городу Синдской Гавани, считая, что это дает возможность «поставить некоторые вехи в хронологию главного города области Синдики во время его автономии, то есть до присоединения Синдики при Левконе I к Боспорскому царству». В соответствии с упоминанием Страбона о Горгииппии, как «царской резиденции синдов», А. В. Орешников (ук. соч., стр. 125) считал, что Синдикой «правили цари», «а архонты Боспора и Феодосии, по отношению к синдам, называли себя царями, что указывает на монархическую форму правления, которая была в стране». Однако А. В. Орешников отмечал, что несмотря на наличие в обоих государствах царской власти, синдские монеты, «как и на Боспоре до III в. чеканены от имени народа». Оставив в стороне некоторую упрощенность суждений А. В. Орешникова о природе власти боспорских Спартокидов и о характере государственной организации в Синдской Гавани в связи с интерпретацией приведенных слов Страбона, отметим лишь, что А. В. Орешников видел в так называемых синдских монетах автономную городскую чеканку Синдской Гавани, а административный центр Синдики — Синдскую Гавань — считал таким же автономным греческим городом, как Пантикапей.

В послевоенное время вопрос о синдских монетах подвергался в советской научной литературе неоднократному обсуждению. Время выпуска этих монет сейчас считается окончательно установленным: последняя четверть V — начало IV в. до н. э. Оно совпадает со временем правления Селевка и Сатира на Боспоре. А. Н. Зограф предполагал, что монеты эти чеканились от имени племени синдов на монетном дворе Синдской Гавани или Фанагории. Однако Фанагория им упомянута только в связи с отсутствием

³⁸ Жебелев, ук. соч., стр. 171; ср. Блаватский, Архаический Боспор, стр. 20 сл.

в течение всего V в. какой бы то ни было фанагорийской чеканки³⁹. Д. Б. Шелов, как и А. Н. Зограф, видит в этих монетах «самостоятельную чеканку уже в V веке до н. э. одного из местных племен Северного Причерноморья — синдов»⁴⁰ и на этом основании постулирует существование синдского государства. Полемизируя с В. П. Шпловым, Д. Б. Шелов (там же, стр. 44 сл.) в то же время убедительно доказывает, что вся чеканка синдских монет по характеру своему является чисто греческой; в монетах этих мы не видим влияния художественных традиций или символов негреческих обитателей страны. Некоторые эмблемы на этих монетах заимствованы из других греческих центров, другие, с изображением головы коня и пшеничного зерна, — оригинальны: они символизируют развитие коневодства и хлебопашества, на чем базировалось экономическое процветание страны. Однако отмеченные Д. Б. Шеловым особенности синдских монет скорее дают основание рассматривать их вместе с А. В. Орешниковым как самостоятельную чеканку не племени синдов, а греческого города Синдика или Синдской Гавани, города с развитым сельским хозяйством, ведшего морскую торговлю и нуждавшегося в своей монете для обращения на внешнем рынке.

Да и сама надпись на монетах — ΣΙΝΔΩΝ, по нашему мнению, вряд ли может указывать, что монеты чеканились от имени племени синдов. Монеты варварских раннерабовладельческих государств чеканились обычно от имени правителей, а не «народа». Вспомним современную синдам монету фракийского царя Севта⁴¹ или монету III в. до н. э. «царя Аки», одного из неизвестных по другим источникам правителей Восточного Причерноморья⁴², монету скифского вождя Атея, и, наконец, скифские монеты, чеканенные в Ольвии от имени царя Фарзоя⁴³. Монет, выпускавшихся племенами Северного Причерноморья от имени «народа», мы не знаем. В то же время автономные монеты греческих городов чеканились действительно от имени народа, то есть гражданских общин городов. По этим соображениям, как нам кажется, и в надписи ΣΙΝΔΩΝ следует скорее видеть этникон Синдской Гавани, то есть города Синдика, чем название племени синдов.

Все исследователи истории Боспора единодушно отмечали значительную эллинизацию Синдики, куда греческое влияние проникло значительно раньше и глубже, чем в среду местного населения европейской стороны Боспора. Наблюдения эти раньше основывались на исследовании главным образом богатых курганных погребений племен Таманского полуострова, проведенных в послевоенные годы, выяснилась картина эллинизации материальной и духовной культуры рядового населения Синдики и развитого торгового обмена с греческими городами⁴⁴. Данные этих исследований в сопоставлении с другими источниками, главным образом надписями, приводятся в работах

³⁹ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА, № 16, М.—Л., 1951, стр. 169.

⁴⁰ Д. Б. Шелов, *Монетное дело Боспора в VI—II веках до н. э.*, М., 1956, стр. 42 сл.

⁴¹ Т. В. Блаватская, *Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э.*, М., 1952, стр. 48, рис. 8.

⁴² Д. Г. Капанадзе, *Грузинская нумизматика*, М., 1955, стр. 36 сл., табл. I, 10.

⁴³ Н. П. Розанова, *Монеты царя Фарзоя*, МИА, № 50, М.—Л., 1956, стр. 197—208.

Чеканка норических кельтов второй половины II—I вв. до н. э. также имеет на аверсе легенду с именами вождей. Ср. K. P i n k, *Keltische Silbergeld in Noricum*. «Wiener prähistorische Zeitschrift», XXIV, стр. 57—59, 64 сл.; R. P a u l s e n, *Die Münzprägung der Boier*, I, Wien, 1933.

⁴⁴ В. Д. Блаватский, *Первый год работы Синдской экспедиции*, КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 71—80; он же, *Второй год работы Синдской экспедиции*, КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 149—155; он же, *Третий год работы в Синдике*, КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 88—95; он же, *Четвертый год раскопок в Синдике*,

последних лет как материал, свидетельствующий о высоком уровне социально-экономического развития синдов, обусловившим якобы возникновение у них в V в. до н. э. государства ⁴⁵. Однако, контакт синдов с греками, по наблюдениям Т. В. Блаватской, был не везде одинаков: обитавшие в непосредственном соседстве с греками подверглись эллинизации значительно сильнее, чем жившие выше по течению Кубани. Синдов, живших по соседству с греческими городами, Т. В. Блаватская ⁴⁶ сравнивает с каллипидами, соседями Ольвии, названными Геродотом эллино-скифами, и считает их не только оторвавшимися до некоторой степени от своего племени, но предполагает даже, что в V в. до н. э. они уже вышли из политического подчинения своим царям. Прикубанская же часть Синдики, возможно, тяготела больше к племенам Приазовья (там же, стр. 107 сл.). Следует отметить, что само название «Синдика» в сочинениях античных писателей употребляется не как название государства, а как обозначение страны, исконное население которой составляли племена синдов. Согласно Периплу Псевдо-Скилака (fr. 72), города Фанагория, Кефы, Синдская Гавань, Патус находились в стране синдов. По Страбону (XI, 2, 10) Синдика включала только южный берег Таманского залива, так как из городов на Таманском полуострове к Синдике он относит только Гермонассу и Апатур как лежащие «за Гипанисом» и не включает Фанагорию и Кефы; следовательно, северо-западная часть Таманского полуострова в то время уже не рассматривалась как часть Синдики. Из приведенных отрывков можно заключить, что под Синдикой здесь понималась прибрежная полоса, составлявшая территорию (χώρα) греческих городов. Территорию же Синдской Гавани могла составлять лишь южная часть Синдики, к югу от Кизилташского лимана. Синды, жившие на примыкавшей к городам территории, входили в область политического подчинения этим городам, жили общей с ними экономической жизнью и подверглись интенсивной эллинизации.

Предоставление «в дар» Гилону города Кефы боспорскими правителями Селевком и Сатиром указывает, что еще в конце V в. до н. э. власть их распространялась на Таманский полуостров, т. е. на северную часть Синдики. Публикуемый здесь проксенический декрет относится к последним годам совместного правления Селевка и Сатира. Находка его в Анапе скорее всего свидетельствует, что и Синдская Гавань в то время уже находилась под властью спартокидов; следовательно, им принадлежала вся приморская часть азиатской стороны Боспора. Тесные политические и экономические связи городов Боспора Киммерийского, объединившихся под верховной властью «архонтов Боспора», открывали широкие возможности для торговой деятельности их проксепа. Он был наделен большими привилегиями «на суше и на море», т. е. фактически на всей территории, контролируемой спартокидами. Обнародование проксенического декрета в Синдике было скорее всего связано с тем, что принадлежащая проксепа недвижимость, которой он мог владеть в соответствии с дарованным боспорскими правителями правом владения землей и домом, находилась в пределах Синдской Гавани и ее сельскохозяйственной территории. По-видимому, стремясь расширить свою экспансию на азиатском берегу Боспора, спартокиды были заинтересованы в развитии экономических связей как с заморскими греческими городами, так и с племенами внутренних областей Прикубанья. Этим и следует объяснить предоставление иноземцам недвижимости на территории Синдики. Гостеприимство в отношении афинянина Гилона, нашедшего приют у боспорских правителей, также выразилось в поселении его на территории Синдики в Кепах.

Попытка расширения экспансии первых спартокидов в Крыму проявилась в неудачной осаде Феодосии (Polyaen., V, 23). На азиатской стороне, где им уже принад-

КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 118—129; он же, Пятый год работ в Синдике, вып. 74, стр. 41—48; Д. Б. Шелов, Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани, КСИИМК, вып. 51, стр. 159—165; он же, Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г., КСИИМК, вып. 58, стр. 96—99.

⁴⁵ Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора, стр. 43, 47—48; Блаватская, Очерки политической истории Боспора, стр. 93 сл.

⁴⁶ Блаватская, Очерки политической истории Боспора, стр. 93 сл.

лежала приморская часть Синдики, правители Боспора вмешивались во внутреннюю жизнь прикубанских племен, оказывали некоторым вождям свое покровительство и поддержку в трудные моменты их борьбы с воинственными соседями (Polyaen., VIII, 55). В этом можно видеть не только стремление Спартокидов упрочить и расширить свое влияние среди племен Прикубанья, живших в ближайшем тылу приморской части Синдики, но также и заботу о безопасности своих владений в Синдике от набегов воинственных меотов, равно угрожавших как земледельческим племенам синдов, так и азиатским владениям Боспора. При Селевке и Сатире стремление к широкой территориальной экспансии если и не достигло еще желанного успеха, то во всяком случае подготовило этот успех в ближайшем будущем. Преемник Сатира Левкон I завладел Феодосией и, включив затем в свои владения территории племен бассейна нижнего течения Кубани, первым из правителей Боспора стал не только «архонтом Боспора и Феодосии», но и «царем синдов, торетов, дандариев и псессов».

А. И. Болтунова

ΤΕΙΧΗ ΔΕΚΡΕΤΑ В ЧЕСТЬ ДИОФАНТА

Почетный декрет херсонеситов в честь синопца Диофанта, полководца Митридата Евпатора, не перестает привлекать к себе внимание исследователей, и это показывает, что возможности толкования надписи, известной археологам уже около столетия, еще не исчерпаны.

Будучи источником первостепенной важности по истории Боспора, Скифского царства и Херсонеса Таврического, не меньшее значение имеет декрет и для изучения северо-западного Крыма античной эпохи. Из декрета нам стало известно, что ко времени похода Диофанта (конец II в. до н. э.) греческие города Керкинитида и Калос Лимен, а также ΤΕΙΧΗ оказались в руках скифов. Текст декрета гласит, что Диофант, выступивший против скифов в помощь Херсонесу, овладел Керкинитидой и ΤΕΙΧΗ и приступил к осаде жителей Калос Лимена (сткк. 20—24).

Отсутствие в нашей литературе единого понимания слова ΤΕΙΧΗ в декрете и обоснования того или иного чтения, а также получение нового археологического материала, помогающего конкретно объяснить это слово, заставили нас обратиться к данному вопросу.

Мраморный постамент статуи, на котором херсонеситами высечен знаменитый декрет, был найден в Херсонесе в 1878 г. Первый комментатор надписи В. Н. Юргевич писал, что словом τὰ τεῖχη греки называли крепости или замки, и предлагал локализовать ΤΕΙΧΗ в одном пункте на северном побережье Тарханкутского полуострова, в 13 верстах к юго-западу от Акмечетской бухты¹.

Декрет вскоре после его находки неоднократно публиковался в различных изданиях, и интересующее нас слово обычно читалось как название какого-то населенного пункта — Τεῖχη, или Стены², что не удивительно, если вспомнить засвидетельство-

¹ В. Н. Ю р г е в и ч, Пси́фисм древнего города Херсониса о назначении почестей и наград Диофанту полководцу Мифрадата Евпатора, ЗООИД, XII, 1881, стр. 32 сл.

² E. E g g e r, Inscriptions relatives à Mithridate, «Journal des savants», Nov. 1880, стр. 706—710; P. F o u s a r t, Décret de la ville de Chersonésos en l'honneur de Diophantos, général de Mithridate, BCH, V, 1881, стр. 72 сл.; Ф. Я. Р е б е ц, Судьба Крыма при Митридате Евпаторе, ИТУАК, 6, 1888, стр. 87, сл. (здесь слово передается как греческое название в русской транскрипции — «Тейхе»); Th. R e i n a s h, Mithridate Eupator, roi de Pont, P., 1890, стр. 69 и 460 сл., № 11.